

Научная статья
УДК 159.923.2
<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-2-184-189>

Личностные особенности созависимых родителей аддиктивных подростков

Е. В. Куприянчук

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Куприянчук Елена Викторовна, кандидат социологических наук, доцент кафедры педагогической психологии и психодиагностики, elena-kupr@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1476-1946>

Аннотация. В статье представлены результаты теоретического и эмпирического исследований особенностей основных структурных компонентов личности созависимых матерей аддиктивов-наркоманов. Показано, что созависимость имеет несколько компонентов: когнитивный, личностный, эмоциональный, поведенческий. Представлены также результаты эмпирического исследования, выполненного на выборке ($n = 58$, 29–60 лет, созависимых матерей аддиктивных подростков) на базе реабилитационного центра «Доверие» г. Саратова. Применялся соответствующий диагностический инструментарий: тест на определение уровня созависимости (Б. Уайнхолд и Дж. Уайнхолд); диагностика эмоционального интеллекта (Н. Холл); тест-опросник самооотношения (В. В. Столин, С. Р. Пантелеев); методика «Индекс жизненного стиля» (Р. Плутчик, Г. Келлерман, Х. Р. Конте); методика «Склонность к виктимному поведению» (О. О. Андронникова). Статистическая обработка данных проводилась через корреляционный анализ, сравнение двух независимых выборок (t -критерий Стьюдента). Установлено, что созависимый человек, пытаясь контролировать чужую жизнь, полностью посвящая себя другому человеку, даже не осознает, что потерял контроль над своей собственной жизнью, утратив интерес к своим потребностям, развитию, самосовершенствованию. Коррекционная работа с созависимыми матерями будет способствовать возвращению родителю его собственного «Я». Прикладной аспект исследуемой проблемы может быть реализован в диагностической, консультативной, коррекционной и просветительской работе практикующих психологов, которые занимаются проблемой реабилитации созависимых родителей аддиктивных подростков.

Ключевые слова: девиантное поведение, аддиктивное поведение, созависимое поведение, дисфункциональные детско-родительские отношения, виктимность, реабилитация аддиктивов и созависимых с ними, групповая психотерапия, самооотношение, эмоциональный интеллект

Для цитирования: Куприянчук Е. В. Личностные особенности созависимых родителей аддиктивных подростков // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 184–189. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-2-184-189>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-2-184-189>

Personal characteristics of codependent parents of addictive adolescents

E. V. Kupriyanchuk

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Elena V. Kupriyanchuk, elena-kupr@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1476-1946>

Abstract. The article presents the results of theoretical and empirical studies of the characteristics of the main structural components of the personality of codependent mothers of drug addicts. It is shown that codependency has several components: cognitive, personal, emotional and behavioral. The article presents the results of an empirical study carried out on a sample ($n = 58$, 29–60 years old, codependent mothers of addictive adolescents) on the basis of the Doverie rehabilitation center in Saratov. Appropriate diagnostic tools were used: a test to determine the level of codependency (B. Winehold and J. Winehold); diagnostics of emotional intelligence (N. Hall); self-attitude test questionnaire (V. V. Stolin, S. R. Panteleev); methodology “Index of life style” (R. Plutchik, G. Kellerman, H. R. Conte); methodology “Tendency to victim behavior” (O. O. Andronnikova). Statistical data processing was carried out through correlation analysis, comparison of two independent samples (Student’s t -test). It has been established that a codependent person, trying to control someone else’s life, completely devoting himself to another person, at the same time does not even realize that he has lost control over his own life, having lost interest in his needs, development, and self-improvement. Correctional work with codependent mothers can help the parent return to his

own "I". The applied aspect of the problem under study can be implemented in the diagnostic, consultative, corrective and educational work of practicing psychologists who deal with the problem of rehabilitation of codependent parents of addictive adolescents.

Keywords: deviant behavior, addictive behavior, codependent behavior, dysfunctional parent-child relationships, victimization, rehabilitation of addicts and codependents with them, group psychotherapy, self-relationship, emotional intelligence

For citation: Kupriyanchuk E. V. Personal characteristics of codependent parents of addictive adolescents. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 184–189 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-2-184-189>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Введение

В рамках современных традиций исследований накоплен богатый опыт анализа взаимоотношений в семьях, в которых подростки имеют алкогольную или химическую зависимость. В исследовательском фокусе появился новый термин «созависимость». Он применяется в отношении других членов семьи или близких людей в рамках сферы пагубных пристрастий зависимой личности [1]. Проблема созависимости – достаточно распространенное явление, она интересует как специалистов-практиков, так и ученых различных областей знаний, таких как девиантология, психология, криминология, социология и др.

Сущность созависимости определяется значительной концентрацией членов семьи на эмоциональном, психологическом и поведенческом состоянии зависимого, что на фоне длительно действующего семейного стресса неизбежно ведет созависимых членов семьи к нарушению их социально-психологической адаптации и развитию индивидуально-личностных трудностей [2–5].

Несмотря на то, что к настоящему времени в психологической науке накоплен значительный опыт в исследовании созависимости, диагностики и коррекции данного феномена, научная дискуссия о его сущности продолжается до сих пор. Это объясняется сложностью рассматриваемого явления и его высокой вариабельностью, которая не до конца отрефлексирована.

Теоретический анализ проблемы

Психологический анализ девиантного, в том числе зависимого и созависимого поведения осуществляется в рамках теорий психоанализа (З. Фрейд, К. Хорни, Э. Фромм), социального научения (Р. Акерс, А. Бандура, А. Басс, Д. Зильманн), транзактного анализа (Э. Берн, С. Карпман), эволюционного подхода (Б. Уайнхолд, Дж. Уайнхолд), системной семейной психологии (М. Боуэн), позитивистской концепции аномии Э. Дюркгейма, социокультурного подхода (Р. Мертон, У. Миллер, Л. Оулин, Т. Селлин), стигмы (Г. Беккер, К. Вайл, Н. Валерстайн, И. Гоффман, Э. Лемерт, Р. Портфельд, Э. Сатерленд, Т. Селлин, Ф. Танненбаум) [1, 2, 5, 6].

Заслуживает внимания виктимологическое направление исследования девиантного, созависимого поведения, сложившееся в русле интеракционистских взглядов, переакцентирующее научный поиск на исследование поведения жертвы (Г. Геттинг, Б. Мендельсон, Э. Сатерленд) [1, 2, 5, 6].

Представляют интерес идеи терапии созависимого поведения, развиваемые В. Д. Москаленко, И. Г. Малкина-Пых, М. Битти и др. Особое значение для понимания коррекции созависимого поведения имеют работы К. Роджерса, Дж. Морено, Ф. Перлза, В. Сатир, Т. Гордона, А. С. Спиваковской, Х. Джайнотт и других, развиваемые в русле групповых методов терапии [4, 7, 8].

Выборка, методики и методы исследования

Исследование, проводимое совместно с магистром Анной Викторовной Власовой, было организовано на базе реабилитационного центра «Доверие» г. Саратова. В нем приняли участие 58 созависимых матерей аддиктивных подростков в возрасте от 29 до 60 лет (26 человек – контрольная выборка, 32 – экспериментальная). В контрольную группу вошли матери с более низким уровнем созависимости, чем у участников экспериментальной группы, и отказавшиеся от участия в реабилитации.

В процессе работы использовались эмпирические методы исследования (тестирование) и статистические (корреляционный анализ, сравнительный анализ, вычисление *t*-критерия Стьюдента). Применялись следующие методики: тест на определение уровня созависимости (Б. Уайнхолд и Дж. Уайнхолд); диагностика эмоционального интеллекта (Н. Холл); тест-опросник самооотношения (В. В. Столин, С. Р. Пантелеев); методика «Индекс жизненного стиля» (Р. Плутчик, Г. Келлерман, Х. Р. Конт); методика «Склонность к виктимному поведению» (О. О. Андронникова).

Результаты исследования, их обсуждение

В целях изучения взаимосвязей между уровнем созависимости, компонентами эмоционального интеллекта, выраженностью тех или

иных психологических защит и особенностями виктимного поведения на всей выборке испытуемых – контрольной и экспериментальной группе (до их включения в групповую терапию) был проведен корреляционный анализ по Пирсону. Его результаты позволяют представить описание обнаруженных значимых корреляции, установить наличие связей между уровнем созависимости и другими характеристиками, изучаемыми в данной статье.

Обнаруживается взаимосвязь между созависимостью и интегральным показателем эмоционального интеллекта ($r = -0,29$ при $p = 0,05$) и такими его составляющими, как управление своими эмоциями ($r = -0,33$ при $p = 0,01$), самомотивация ($r = -0,26$ при $p = 0,05$). Умеренная отрицательная корреляция между общим показателем эмоционального интеллекта и уровнем созависимости свидетельствует о том, что чем выше созависимость, тем меньше у матерей аддиктивных подростков развита способность понимать свои эмоции, управлять ими, тем сильнее их патологическая эмоциональная зависимость от ребенка. Наличие умеренной отрицательной корреляции между самомотивацией и уровнем созависимости показывает, что более высокой эмоциональной зависимости матерей от их аддиктивных детей-подростков соответствует более низкий уровень развития способности управления своим поведением через управление эмоциями. То есть чем больше мать поглощена потребностью контролировать, включаться в жизнь своего зависимого ребенка, не заботясь о своих потребностях, тем хуже развита ее способность произвольного управления собственным поведением. Трудности с контролем эмоций – одна из характеристик, входящих в эмоциональный компонент созависимости [2].

Также можно говорить о том, что чем выше уровень созависимости, демонстрируемый матерью аддиктивного подростка, тем ниже ее эмоциональный интеллект. Из этого следует, что чем сильнее ее эмоциональная зависимость от ребенка, тем хуже у нее развита способность опираться на себя, свои психологические ресурсы, тем больше она ориентирована на поиск поддержки во внешней среде, во мнениях и оценках родных, друзей, близких, даже посторонних.

В результате проведения корреляционного анализа между уровнем созависимости и показателями самооотношения среди матерей аддиктивных подростков были получены следующие данные: умеренная отрицательная корреляция между созависимостью и самоуважением ($r = -0,38$ при $p = 0,01$), слабая отрицательная корреляция между созависимостью и аутосимпатией ($r = -0,28$ при $p = 0,05$).

Таким образом, можно предположить, что более высокой аффективно окрашенной зависимости матерей от их аддиктивных детей соответствует более низкая оценка личностных возможностей контролировать свою жизнь. Кроме того, имеет место неверие в свои силы, возникают трудности в понимании самого себя. Данные результаты можно объяснить тем, что созависимость предполагает высокую включенность в жизнь зависимого и игнорирование своих желаний, потребностей, так как все силы переключаются на контроль за другим человеком. Вероятно, чем выше уровень созависимости, т.е. отсутствия личностной автономии, тем менее самостоятельным, уверенным представляется образ «Я» матери аддиктивного подростка.

Чем выше уровень созависимости, тем ниже уровень аутосимпатии, которая объединяет переживание чувства раздражения по отношению к себе, акцент только на свои недостатки, низкую самооценку и готовность к самообвинению. Обнаруженные взаимосвязи уровня созависимости и показателей по шкале «аутосимпатия» соотносятся с содержанием эмоционального компонента созависимости, включающего в себя низкую самооценку, ненависть к себе, переживание чувства вины, стыда, непоплатенного долга перед своим ребенком.

Изучение взаимосвязей видов психологических защит и уровня созависимости у матерей аддиктивных подростков показало наличие слабой положительной корреляции ($r = 0,26$ при $p = 0,05$) между созависимостью и такой психологической защитой, как отрицание. Как правило, именно отрицание авторы называют наиболее характерным типом защит, к которому прибегают эмоционально зависимые субъекты [2, 3]. Отрицание является способом защитить психику от реальности, в которой много тревог и страхов. Зависимый член семьи отрицает у себя аддикцию, а близкие отрицают у себя созависимость, что помогает обоим избежать приложения усилий для решения проблем.

Выраженная склонность к использованию тех или иных психологических защит способствует развитию иллюзорных представлений о реальной действительности, что, в свою очередь, осложняет лечение аддиктивных членов семьи и усиливает семейный кризис. Вероятно, чем выше уровень созависимости у матерей аддиктивных подростков, тем сильнее они склонны отрицать некоторые фрустрирующие, вызывающие тревогу обстоятельства, внутренние импульсы, различные аспекты реальности. Бегство от реальности не устраняет проблемы семьи, напротив, усложняет их. Только признав проблему, человек готов встать на путь ее разрешения.

Анализ корреляции между созависимостью и формами виктимного поведения среди созависимых матерей показал положительную корреляцию между уровнем созависимости и гиперсоциальным виктимным поведением ($r = 0,27$ при $p = 0,05$). Это дает основание предполагать, что более высокому уровню эмоциональной зависимости от аддиктивного ребенка соответствует более выраженное жертвенное социально одобряемое поведение, при котором человек стремится поступать так, чтобы его поведение поощрялось социумом. По мнению некоторых авторов, для созависимых людей характерно выраженное стремление к аффилиации, стремление и готовность делать все, что требуется для получения одобрения [2].

Наличие значимой корреляционной связи было также обнаружено между уровнем созависимости и зависимым, беспомощным виктимным поведением ($r = 0,29$ при $p = 0,05$). Вероятно, чем выше уровень созависимости, тем сильнее проявляется в поведении установка на беспомощность, жертвенность, оправдание агрессивного, антисоциального поведения другого. Особенно матери оправдывают и смиряются с насилием и агрессией своих детей в отношении других, но, прежде всего, себя. Полученные данные свидетельствуют о том, что, как правило, когда в семье есть зависимый, то члены семьи по очереди сменяют роли «спасателя», «преследователя» и «жертвы» [2, 3, 9, 10]. Пассивное виктимное поведение довольно часто характеризует поведение членов семьи, в которой присутствует зависимый. Кроме того, зависимость поведения от внешней оценки других людей характеризует поведенческий компонент созависимости.

Подводя итоги проведенного корреляционного анализа уровня созависимости с показателями эмоционального интеллекта, самоотношения, видами психологических защит и формами виктимного поведения матерей аддиктивных подростков, можно сделать вывод о наличии следующих индивидуально-личностных особенностей у созависимых матерей:

слабый внутренний потенциал, определяющий поиск поддержки во внешней среде, нежели опоры на свои силы;

сочетание трудностей самопонимания и самопринятия с низкой самооценкой, неверием в себя, свои возможности, негативными чувствами по отношению к самой себе, самообвинением;

отрицание, неприятие различных фрустрирующих, вызывающих тревогу обстоятельств, действительных аспектов реальности;

превалирование только социально одобряемого поведения в отношении своего ребенка;

установка на виктимность: беспомощность, жертвенность, оправдывающая агрессивное, антисоциальное поведение, прежде всего своего ребенка, даже в отношении себя.

В целях изучения психологической коррекции созависимости в детско-родительских отношениях методами групповой терапии была разработана и апробирована программа для родителей, в частности матерей наркозависимых подростков. Программа основана на синтезе современных подходов к групповой психотерапии, что позволяет родителям изменить отношение к себе и ребенку, помочь им по-другому взглянуть на проблему [7, 8, 10]. Основные ее цели сводятся к следующему: снижение у родителей тревожности, виктимности, конфликтности, а также эмоционально-психического напряжения в различных ситуациях взаимодействия, прежде всего с их детьми; развитие способности к эмоциональной и поведенческой саморегуляции, сотрудничеству, адекватному проявлению активности, стрессоустойчивости; интенсификация жизни родителей, наполнение ее собственными увлечениями, радостями, заботами о себе, поднимающими их над обыденностью; избавление от эксплуататорского подхода к себе, перестройка взаимоотношений с детьми на основе равенства и ответственности каждого; выстраивание репертуара практик заботы о детях по индивидуальной для каждой семьи конфигурации; формирование установки на психологическую сепарацию детей от родителей как необходимый этап взросления, становления автономной, самостоятельной личности. Тем самым удается нарушить герметичность и замкнутость родителей только на переживаниях их детей.

Программа включает занятия, проводимые несколько раз в неделю, продолжительностью в среднем 1,5–2 ч по таким темам, как: «Знакомство с феноменом “созависимость”», «Управление своими эмоциями и чувствами», «Волевой контроль», «Страхи и обиды», «Путь в созависимость», «Мотивы и потребности», «Драматический треугольник Карпмана», «Самоподдержка и самопомощь», «Злость и гнев», «Способы совладания с негативными ситуациями», «Зона ответственности», «Влияние и противостояние чужому влиянию», «Манипуляции и противостояние им».

После завершения программы проводилась повторная диагностика по параметру «созависимость». Для того чтобы выяснить, каким образом включение созависимых матерей аддиктивных подростков в групповую работу оказало влияние на уровень созависимости, был проведен сравнительный анализ средних значений

перечисленных показателей испытуемых из экспериментальной группы до и после участия в реабилитации. Различия между выделенными группами оценены по *t*-критерию Стьюдента. Сравнительный анализ уровня созависимости в экспериментальной группе, проведенный по итогам групповой терапии, показал, что у созависимых матерей, принявших участие в групповой терапии, этот уровень значимо ниже (*t*-критерий Стьюдента = 10,2 при $p \leq 0,01$). Полученное эмпирическое значение находится в зоне значимости.

Данные показывают, что до терапии средние значения уровня созависимости соответствовали очень высокой степени выраженности показателя, после терапии – высокой и средней. После участия в программе степень созависимости у матерей подростков с наркозависимостью несколько снизилась. Таким образом, матери зависимых подростков приобрели больший репертуар моделей поведения. Можно предположить, что благодаря участию в групповой терапии матери подростков-наркоманов стали больше обращать внимания на свою жизнь, свои потребности и желания, меньше эмоционально вовлекаться в отношения со своими детьми, таким образом определяя процесс отделения ребенка, прежде всего от себя. Именно этим способом могут быть решены специфические задачи дифференциации собственного «Я». Установлено, что после участия в групповой терапии удалось лишь только наметить тенденцию к уменьшению склонности у матерей данной группы к тотальному поглощению жизнью их детей. Для полного оздоровления детско-родительских отношений недостаточно только групповой работы в рамках обозначенных нами занятий. Однако участие в программе по групповой психотерапии, безусловно, является одним из эффективных путей преодоления созависимости. При этом очевидно, что изменения в структуре личности созависимого не просто поддаются изменениям.

Заключение

Краткие выводы по заявленной проблематике могут быть сформулированы следующим образом:

Содержание феномена «созависимость» представлено четырьмя компонентами, включает сложный лабиринт рефлексий, отношений, установок, стилей поведения.

Изучение феномена созависимости важно для построения эффективных практик социальной помощи и поддержки родственников зависимых.

Результаты эмпирического исследования дают возможность высказать предположение о том, что матери аддиктивных подростков имеют такие индивидуально-личностные особенности, которые усиливают их созависимое с их детьми поведение. К таким особенностям можно отнести следующие: низкая самооценка, самообвинение, неверие в себя, свои силы, переживание чувства раздражения по отношению к себе, вины, непоплатенного долга перед своим ребенком. Они ищут поддержку вовне, а не внутри себя, склонны к виктимному, жертвенному, беспомощному поведению, оправданию агрессии в отношении себя со стороны Другого, прежде всего своего ребенка, ориентируясь только на социально одобряемые стратегии поведения родителя.

В процессе участия в коррекционной программе степень созависимости у матерей подростков-аддиктов несколько снизилась, т.е. они приобрели больший репертуар контрзависимых моделей поведения, стали больше обращать внимание на свою жизнь, меньше эмоционально вовлекаться в отношения со своими детьми при контроле над их поведением. В результате у матерей появилась возможность перестраивать внутрисемейные отношения. Именно эта перестройка отношений, может, на наш взгляд, отразиться на перспективах более успешной реабилитации их собственных детей.

Список литературы

1. *Артемуца Н. Г.* Феномен созависимости : психологический аспект. М. : РИО МГУДТ, 2012. 222 с.
2. *Артемуца Н. Г.* Типологические детерминанты развития потенциала созависимой личности // Вісник Одеського національного університету. Серія Психологія. 2010. Т. 15, № 11. С. 175–180.
3. *Артемуца Н. Г.* Созависимость как возможная угроза психологическому здоровью субъекта // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 4. С. 213–220.
4. *Москаленко В. Д.* Зависимость : семейная болезнь. М. : Институт консультирования и системных решений, 2014. 352 с.
5. *Парамонова Ю. А.* Современные взгляды на феномен созависимости // Девиантология. 2019. Т. 3, № 1. С. 12–17.
6. *Уайнхолд Б.* Бегство от близости. СПб. : Вече, 2011. 528 с.
7. *Антилогова Л. Н., Ждакаева Е. И.* Коррекция деструктивных детско-родительских отношений // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2018. № 4 (21). С. 101–104.
8. *Харитонова Т. И.* Обзор основных методов коррекции детско-родительских отношений в отечественной психологии // Символ науки. 2016. № 11-4 (23). С. 185–188.

9. Малкина-Пых И. Г. Виктимология. Психология поведения жертвы. СПб. : Питер, 2018. 832 с.
10. Куприянчук Е. В., Самсонова И. В. Семейные воспитательные стратегии как ресурс развития личности // Образование в современном мире : сборник статей / под ред. Ю. Г. Голуба. Саратов : Издательство Саратовского государственного университета, 2016. С. 215–219.

References

1. Artemtseva N. G. *Fenomen sozavisimosti: psikhologicheskii aspekt* [The Phenomenon of Codependency: The Psychological Aspect]. Moscow, RIO MGUDT Publ., 2012. 222 p. (in Russian).
2. Artemtseva N. G. Typological determinants of the development of the potential of a codependent personality. *Odesa National University Herald. Series Psychology*, 2010, vol. 15, no. 11, pp. 175–180 (in Russian).
3. Artemtseva N. G. Codependency as a possible threat to the psychological health of the subject. *Znanie. Poniimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 2014, no. 4, pp. 213–220 (in Russian).
4. Moskalenko V. D. *Zavisimost': semeynaya bolezni'* [Addiction: A Familial Illness]. Moscow, Institut konsul'tirovaniya i sistemnykh resheniy Publ., 2014. 352 p. (in Russian).
5. Paramonova Yu. A. Modern views on the phenomenon of codependency. *Deviantologiya* [Deviant. Behavior (Russia)], 2019, vol. 3, no. 1, pp. 12–17 (in Russian).
6. Uaynkhold B. *Begstvo ot blizosti* [Escape from Intimacy]. St. Petersburg, Veche Publ., 2011. 528 p. (in Russian).
7. Antilogoza L. N., Zhdakaeva E. I. Correction of destructive parent-child relationships. *Bulletin of the Omsk State Pedagogical University. Humanities Research*, 2018, no. 4 (21), pp. 101–104 (in Russian).
8. Kharitonova T. I. Review of the main methods of correction of parent-child relations in Russian psychology. *Simvol nauki* [Symbol of Science], 2016, no. 11-4 (23), pp. 185–187 (in Russian).
9. Malkina-Pykh I. G. *Viktimologiya. Psikhologiya povedeniya zhertvy* [Victimology. Victim Psychology]. St. Petersburg, Piter Publ., 2018. 832 p. (in Russian).
10. Kupriyanchuk E. V., Samsonova I. V. Family educational strategies as a resource for personality development. In: *Obrazovanie v sovremennom mire* [Yu. G. Golub, ed. Education in the Modern World]. Saratov, Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 2016, pp. 215–219 (in Russian).

Поступила в редакцию 10.03.2021, после рецензирования 14.03.2021, принята к публикации 15.03.2021

Received 10.03.2021, revised 14.03.2021, accepted 15.03.2021